

Литургический язык

В некоторых Поместных Православных Церквях за богослужением употребляется особый, устаревший язык, тогда как в других Церквях богослужение совершается на современном языке. В частности, в Греческой Церкви употребляется так называемый «византийский греческий», близкий к языку Нового Завета и существенно отличающийся от разговорного новогреческого. В Грузинской Церкви употребляется старогрузинский, записывавшийся особым шрифтом «хуцури». В Русской Православной Церкви богослужение совершается на церковнославянском языке. Ранее на славянском служили также в Сербской и Болгарской Церквях, однако в течение последних десятилетий XX века эти Церкви перешли на современные языки — сербский и болгарский соответственно.

Употребление церковнославянского языка в богослужении Русской Церкви восходит к святым братьям-просветителям Кириллу и Мефодию, с которых началось переводческое дело в славянских странах в IX веке. После крещения Руси святым равноапостольным князем Владимиром в конце X века начался систематический перевод византийских богослужебных текстов на славянский язык; перевод и редактирование продолжались вплоть до XVII века. В течение веков корпус греческих литургических текстов был полностью переведен на славянский язык.

При переводе был использован буквальный метод, при котором сохранялись не только слова, но и их порядок в предложении. В византийских поэтических текстах порядок слов был обусловлен необходимостью следовать определенному размеру, из-за чего слова нередко переставлялись местами. Более того, слова иной раз подбирались одно к другому не только исходя из смысла, но и исходя из их взаимного ритмического соответствия, из-за чего в некоторых случаях могло создаваться впечатление случайного подбора слов. В поэтической речи ясность смысла и правильность построения фразы иной раз приносилась в жертву ради фонетического благозвучия и ритмической стройности стиха. Однако при переводе на иной язык поэзия превращалась в прозу, благозвучие исчезало и ритм нарушался, тогда как отсутствие логики в построении фразы и неестественный порядок слов сохранялись. Все это создает впечатление, с одной стороны, малопонятности славянских текстов, с другой — чрезмерной напыщенности и сложности.

В качестве примера можно привести три богослужебных текста, относящиеся соответственно к праздникам Рождества Христова, Пятидесятницы и Богоявления. Понимание подобных текстов доступно разве что специалистам в области славянской филологии:

Любити убо нам яко безбедное страхом удобее молчание, любовию я Лево, песни ткати спротяженно сложенныя неудобно есть; но и, Мати силу, елико есть произволение, даждь.

Божественным покровен медленноязычный мраком, извитийствова богописанный закон, тину бо оттряс очесе умнаго, видит Сушаго, и научаета Духа разуму, хваля божественными песньми.

От глубиннаго льва, тревечерний странне пророк во внутренних валяся, абие произыде, пакибытия спасение, от змия човекоубийиы, всеи| предъявляя в последняя лета.

Смысл первого стиха можно пересказать следующим образом: «Для нас было бы проще любить молчание как безопасное, и нелегко с любовью создавать продолжительные песнопения в Твою честь, но Ты, о Матерь Дева, подай нам продолжительность стиха, соответствующую нашему рвению». Второй текст в пересказе звучал бы примерно так: «Косноязычный (Моисей), покрытый божественным облаком, написал боговдохновенный закон, ибо, стряхнув (мысленное) покрывало с умственных очей, он созерцает Бога и научается пониманию Духа, восхваляя Его божественными песнопениями». Смысл третьего текста приблизительно таков: пророк, который три ночи провел во чреве кита («тревечерний пророк»), таинственным образом пребывал внутри («во внутренних») этого кита («глубиннаго льва»), но внезапно

вышел оттуда; тем самым он для всех стал прообразом спасения от диавола-человекоубийцы, которое произойдет в будущей жизни (в «пакибытии»), в конце времен («в последняя лета»).

Во всех трех случаях нарушен естественный для прозаического текста порядок слов: «но и, Мати, силу, елико есть произволение, даждь» вместо более логичного «но и силу, Мати, даждь, елико есть произволение»; «Божественным покровен медленноязычный мраком» вместо «Медленноязычный, покровен божественным мраком». Во всех случаях для понимания текста недостаточно прочитать его в переводе на русский язык: необходима целая серия дополнительных интеллектуальных усилий для усвоения логики авторов текста. Во втором случае, например, требуется знание той библейской истории, к которой лишь намеком отсылает поэтический текст: необходимо помнить, что Моисей был косноязычным (см.: Исх 4, ю), чтобы понять, что речь идет именно о нем (так как его имя нигде не названо). В третьем случае необходимо понять, что «глубинный лев» — это кит, поглотивший Иону (в данном случае кит является прообразом диавола, поэтому метафорически он назван львом), и что «спасение пакибытия» отнюдь не произошло «от змия-человекоубийцы».

Конечно, не все славянские переводы богослужебных текстов столь же маловразумительны, как приведенные выше. Но таких и им подобных в литургических книгах Русской Православной Церкви немало. Использование в богослужении устаревшего языка стало предметом спора, который продолжается внутри Русской Церкви на протяжении более ста лет. И среди клириков, и среди мирян имеются как сторонники сохранения церковнославянского языка в качестве неприкосновенного, так и сторонники перевода богослужения на русский язык. Есть также те, кто призывает к частичной замене церковнославянских текстов на русские или к новой редакции богослужебных книг, которая сделала бы славянские литургические тексты более доступными.

Вопрос о литургическом языке широко обсуждался в ходе подготовки к Поместному Собору 1917-1918 годов. Уже тогда проблема малопонятности богослужения стояла очень остро. Архиепископ Алеутский и Северо-Американский Тихон (впоследствии патриарх Всероссийский) писал в 1906 году: «Для Русской Церкви важно иметь новый славянский перевод богослужебных книг (теперешний устарел и во многих местах неправильный), чем можно будет предупредить требования иных служить на русском обиходном языке». Другой иерарх, епископ Полоцкий Серафим, так говорил о необходимости улучшения славянского перевода богослужения:

В полемике с католичеством православные богословы всегда указывали на свое богослужение как на одно из преимуществ Православной Церкви ввиду его особой назидательности. Однако на практике оно далеко достигает той цели, для которой создано благодатными носителями Православия. Причина этого кроется прежде всего в его непонятности большинства верующих. Ввиду этого необходимо прежде всего улучшить язык богослужения, сделать его более ясным и понятным в отдельных словах и конструкциях.

«Пробное» издание литургических текстов на славянском языке в новой редакции было сделано и издано малым тиражом незадолго до Поместного Собора 1917-1918 годов, но так и не достигло большинства православных храмов. Дискуссия о богослужебном языке, развернувшаяся на Соборе, также осталась незавершенной. Хорошо известны дальнейшие события: попытки обновленцев русифицировать богослужение и неприятие этих попыток церковной общественностью. Подобные попытки и в наши дни решительно пресекаются церковным народом, стоящим на страже церковнославянского языка как оплота церковности.

Проблема малопонятности церковнославянского языка тем не менее продолжает ждать своего решения. При всем том, что справедливо говорится о необходимости сохранения церковнославянского языка, очевидно и то, что богослужение призвано быть, насколько возможно, понятным; в противном случае оно теряет свою назидательную силу. В то же время необходима особая осторожность при внедрении любых изменений в существующую литургическую практику, в том числе при переводе или редактировании

богослужебных текстов. Не следует забывать о том, что именно новая редакция славянского текста богослужения стала одной из причин возникновения в XVII веке старообрядческого раскола, охватившего миллионы русских людей и не изжитого по сей день. Должен учитываться консерватизм церковного сознания, многовековая привычка к тем или иным текстам, выражениям, словесным оборотам, даже если они не всегда понятны.

Кроме того, вопрос не сводится к простому переводу богослужения на русский язык или к новой редакции славянского текста. Речь должна идти о более глобальной задаче, стоящей перед Русской Православной Церковью, в первую очередь перед ее богословами. Эту задачу сформулировал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II:

Славянский язык не для всех понятен: поэтому многими литургистами нашей церкви давно уже ставится вопрос о переводе всего круга богослужебных текстов на русский. Однако попытки перевода богослужения на современный разговорный язык показали, что дело не исчерпывается только заменой одного словарного состава на другой, одних грамматических форм на другие. Литургические тексты, употребляемые в Православной церкви, являются наследием византийской древности: даже переведенные на современный язык, они требуют от человека специальной подготовки... Поэтому проблема непонятности богослужения не исчерпывается только вопросами языка, которые, безусловно, должны ставиться и решаться. Перед нами более глобальная, поистине миссионерская задача – научить людей понимать смысл богослужения.

Одним из средств для выполнения этой миссионерской задачи является новая редакция славянского текста богослужения. Дело, начатое накануне Поместного Собора 1917-1918 годов, должно быть продолжено. Святейший Патриарх Алексей II по этому поводу говорил:

...Мы должны думать о такой организации богослужебной жизни церкви, которая позволила бы оживить просветительский и миссионерский элемент этой жизни. В данной связи мы обратим особое внимание на труд, начатый, но не завершённый Поместным Собором 1917-1918 годов по упорядочению богослужебной практики, и доведем до конца редактирование славянских богослужебных текстов, также начатое в нашей церкви.

Следует, очевидно, ставить вопрос и о том, позволительно ли хотя бы для каких-то частей богослужения, в частности для Евангелия, Апостола, Псалтири, использовать русский язык. Поместный Собор 1917-1918 по итогам дискуссии об использовании русского и украинского языков за богослужением сделал следующие рекомендации:

- 1) *Славянский язык в богослужении есть великое, священное достояние нашей родной, церковной старины, и потому он должен сохраняться и поддерживаться как основной язык нашего богослужения;*
- 2) *в целях приближения нашего церковного богослужения к пониманию простого народа признаются права общерусского и малороссийского языков для богослужебного употребления;*
- 3) *немедленная и повсеместная замена церковнославянского языка в богослужении общерусским или малороссийским нежелательна и неосуществима;*
- 4) *частичное применение общерусского или малороссийского языка в богослужении (чтение слова Божьего, отдельные песнопения и молитвы, замена отдельных слов и речений и т.п.) для достижения более вразумительного понимания богослужения при одобрении сего церковной властью желательно и в настоящее время.*

Понимание богослужения верующими, кроме того, значительно облегчилось бы, если бы в каждом храме в свободном доступе находились сборники, содержащие основные богослужебные тексты на церковнославянском языке с параллельным русским переводом и пояснениями. Необходимо издавать таким образом текст Божественной литургии, тексты всенощного бдения, богослужения главных христианских праздников, чинопоследования крещения, брака и других Таинств. Эти тексты должны иметься в храмах в больших количествах, чтобы каждый желающий узнать смысл богослужения мог следить за службой по книге.

<http://azbyka.ru/library/pravoslavie-tom-vtoroj-02-all.shtml>